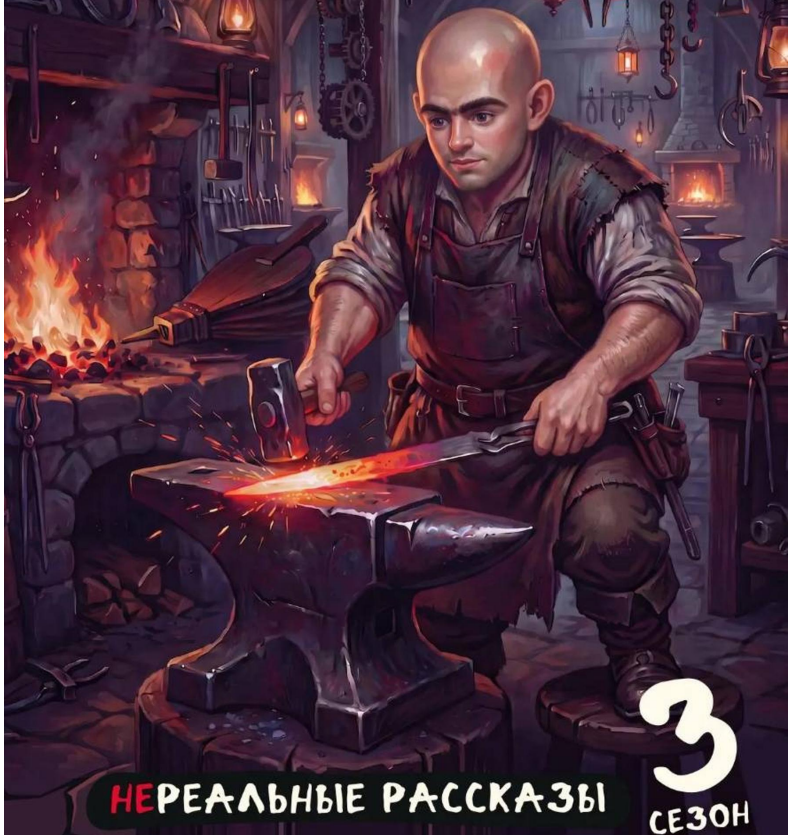


АМИТРИЙ

ШУМИХИН

КУЗНЕЦ



НЕРЕАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

3
СЕЗОН

Дмитрий Шумихин

Кузнец

<https://litres.ru/74234643>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для ценителей психологизма, социальных конфликтов и нестандартных персонажей. Сильный герой в безвыходной ситуации. Красота и уродство определяются не внешностью, а поступками.

Погружение в самобытный мир, где переплетаются культуры полуросликов и гномов. Напряжённый сюжет, держащий в тонусе от первой до последней страницы. Размышления о том, что значит быть верным себе, когда сама жизнь толкает на предательство.

Смириться с ярлыком изгоя или попытаться доказать свою ценность чужим? Можно ли убежать от себя, сменив дом и окружение? Готовы ли вы принять правду о собственном происхождении, если она перечеркнёт всё ваше прошлое?

Инструмент в чужих руках, кующий собственную судьбу. Жизненная история, сломавшая шаблоны. Откройте "Кузнеца" и отправляйтесь в это опасное путешествие.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Шумихин

Кузнец

Глава 1

Смерть пахла пылью, сушёными травами и старой кожей. Торбен Бородень знал этот запах, витающий в каждой щели их уютной норы. В этой комнате он был густым и удушающим. Дым над кузнями Северных Гор, о которых он так любил слушать рассказы странствующих торговцев.

Торбен толкнул дубовую дверь. Она со скрипом уступила, впустив его в царство тлена. В руке он сжимал подсвечник с единственной свечой. Дрожащее пламя отваживало мрак, но не могло справиться с тяжестью запаха. Свет скользнул по глиняным стенам, зацепился за прялку, покрытую паутиной, упал на кровать. На одре, заваленном лоскутами одеял, лежала Элда. Его мать. Или то, что от неё осталось.

— Кто там? — Её голос был похож на шелест сухих листьев, потревоженных ветром. — Лилиана? Не ходи, дитя, не надо. Здесь смерть пасётся, ждёт своего часа.

— Это я, мама. Торбен.

Он подошёл ближе. Свеча высветила его лицо. Грубые черты. Густые, сросшиеся на переносице брови нависали над глазами. В них таилась упрямая, не свойственная полуросли-

кам суровость.

При этом он был тщательно выбрит. Густые тёмные волосы, отливавшие медью в свете пламени, были аккуратно зачёсаны назад. Его жилет из добротной шерсти был застёгнут на все пуговицы. На ногах — крепкие, хоть и поношенные сапоги. Мастеровой, собравшийся на праздник, а не сын, пришедший к смертному одру матери. Чистота и порядок были его щитом против хаоса мира. И против хаоса внутри.

Элда медленно повернула голову. Глаза, затянутые плёнкой, какое-то время бессмысленно блуждали, а потом в них вспыхнула искра узнавания.

— Торбен... Мой мальчик. Мой крепкий мальчик.

Её взгляд ушёл вглубь себя, в прошлое. Для неё это стало реальнее душевной комнаты.

— Помнишь... Тебе не было и семи лет... Ты зашёл в кузню к дяде Фартингу. Все ахнули. Ты подошёл к наковальне и поднял молот деда Горация. Поднял одной рукой! Такой тяжёлый, что иные мужики с нашим ростом еле управиться могли. А ты стоял! Маленький такой. Красный от натуги. Но держал. Держал!

Губы Элды дрогнули в подобии улыбки.

— А в пятнадцать... Клянусь землёй предков, у тебя щетина была гуще, чем у моего покойного Барноби. Все шептались. «Бородень с фамилией не соврали». А я... А я гордилась. Мой сын. Сильный. Не как остальные.

Свеча на его подсвечнике с треском погасла. Смерть по-

требовала тишины. Элда замолкла. В комнату ворвался абсолютный осязаемый мрак. Торбен замер. Только тогда в этой крошечной тьме его щит дал трещину. По его щекам покатились тихие горячие слёзы. Он смахнул их тыльной стороной ладони с яростью. Словно они были врагами.

Он заковылял по памяти, руки нащупали полку, глиняный горшок, а потом — жестяную коробку. Ещё одна свеча. Кремень. Искра. Вспышка. И вот новый огонёк. Маленький, но яростный. Оспаривает своё право на существование у тьмы.

Свет вернулся. С ним — голос Элды. Теперь он был пронзительным и металлическим. Клинок, обнажаемый из ножен после долгих лет покоя.

— Слушай, сын. Времени у меня нет, чтобы нежить твои уши сказками. Пора тебе узнать, какую кровь ты в себе носишь.

Она сделала паузу, собирая силы.

— Наша родословная, всё это благородное древо... Оно выросло из навоза. Из греха. Наша прапрапрабабка Белладин была из первых, кто осмелился поселиться на этих землях. Она пришла с севера. Одна. Силой с быка. Пиво могла пить похлеще заправского сапожника. Не нашла себе пару среди ухоженных и благовоспитанных полуросликов с севера. А потом... В какой-то придорожной вонючей и тёмной таверне она встретила его.

— Его? — Тихо переспросил Торбен.

— Гнома. Из горных кланов. Заросшего, пропахшего ды-

мом. Они провели ночь. Одну-единственную ночь. А наутро он ушёл, не оглянувшись, к своим сокровищам и рудам. А она пошла дальше. Сюда. Когда её тело начало меняться, все решили, что она просто поправилась. А когда родился ребёнок... Мальчик... С щетиной на лице уже в колыбели... вот тогда и началось. Шёпоты. Насмешки. Фамилия — Бородень. Клеймо. Напоминание.

Торбен сглотнул ком в горле. Всё встало на свои места. Его сила, его необычная для полурослика выносливость. Эта проклятая щетина, которую он с таким усердием сбривал каждое утро... Всё это было не его. Это было наследие какого-то безымянного гнома, который даже не знал о его существовании.

— Почему... Почему ты никогда не говорила? — Его голос сорвался, выдавая всю накопленную боль.

Но Элда уже не слышала. Её взгляд снова утратил фокус, устремляясь куда-то поверх него в потолок, где лежали звёзды и вечность.

— Моё время пришло, сынок. Я ухожу. И перед уходом хочу одного. Обещай мне. Обещай, что ты продолжишь наш род. Не дашь угаснуть нашей крови. Я так долго ждала... И всё без толку. Скажи... Лилиана Пушинс... Она приняла медальон?

Торбен сжал подсвечник так, что пальцы побелели. Он видел лицо Лилианы. Милое и круглолицее, искажённое недоумением и жалостью, когда он протянул ей старинный се-

мейный медальон. Он слышал сдержанное ворчание её родителей за спиной. «Опять этот Бородень со своими странностями... Не пара он нашей Лили».

— Приняла, — сказал он, и голос его был твёрдой сталью. — Её родители... Не в восторге. Но она приняла. Я обещаю тебе, мама. Я исполню твоё желание.

Его щит рухнул окончательно. Он снова заплакал. Тихо и безнадежно. Содрогаясь всем телом. Слезы капали на воск свечи, шипя и застывая мелкими шариками.

Элда смотрела на него. В её глазах не было ни капли утешения. Только холодная гномья практичность.

— Хватит! Открой окно. Духота эта меня до гроба добьёт. А потом убирайся. Нечего тут сопли размазывать. Не для того я умираю, чтобы ты мне настроение портил.

Приказ. Последний. Торбен кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Он подошёл к маленькому круглому окну, затянутому паутиной, с силой откинул ставню. В комнату ворвался холодный ночной воздух, принесся запах мокрой земли, дождя и свободы. Пламя свечи задрожало, отчаянно затрепетало в борьбе с новой стихией и погасло, испустив тонкую струйку дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.